

гипотеза, согласно которой свое письмо, по замыслу Пушкина, Марья писала на грани психического срыва, отчего и произошла в ее голове путаница дней недели.³⁶ Верно подмечено, что во время похорон Марья находится в состоянии помутнения рассудка, но в письме она рассказывает об этом и о всех предшествующих событиях, а также о последующем визите чиновников как вполне здравый человек. Если и проскальзывают какие-то признаки душевного расстройства, то лишь как предвестники будущей болезни в острой форме, не развившиеся, однако, еще до такой степени, чтобы в сознании девушки слились во времени кончина отца и получение письма. Примечательно, что третье письмо открывалось первоначально фразой: «Я, право, не понимаю, что со мною происходит» (Акад. VIII, 941), подразумевавшей непонимание ситуации вследствие житейской неопытности Марьи, но допускавшей, будучи на первом месте, и другое толкование. Пушкин здесь ее снял и в несколько измененном виде перенес ниже, после рассказа о втором визите чиновника и объявлении аукциона («Я тут ничего не понимаю» — Акад. VIII, 395), исключив эту перестановкою всякий иной смысл, кроме наивности в денежных делах.

Итак, установив с помощью старых, проверенных временем приемов добротного позитивистского литературоведения случайный характер совпадения проставленных на первом и втором письмах «Марья Шонинг» дат с календарем 1787-го и 1834 годов и закрыв тем самым заманчивые перспективы для поисков в этом совпадении скрытого, зашифрованного смысла, как это модно ныне среди приверженцев литературоведения модернистского, авангардного, преследующего не «занудное», медленное продвижение к научной истине, но преимущественно демонстрацию в феерическом блеске оригинальности мышления пишущего, можно с большой мерою надежности утверждать, что над повестью «Марья Шонинг» Пушкин работал в апреле 1835 года.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД УПОТРЕБЛЕНИЕМ В ТЕКСТАХ ПУШКИНА ОКОНЧАНИЙ «И» И «Ъ»

При подготовке текстов А. С. Пушкина к печати встает множество частных вопросов, касающихся орфографии и пунктуации. Большинство этих «мелочей» достались нынешнему поколению текстологов в наследство от подгонявшегося волевыми решениями «партии и правительства» и лишенного ими же научного аппарата предыдущего академического Полного собрания сочинений, где отсутствие подробной инструкции, открыв поле для субъективных редакторских толкований и решений, привело к часто не оправданному разнобою не только между томами, но даже и внутри томов.

К числу орфографических явлений, нуждающихся в систематизации материала, его осмыслению и выработке правил их отражения в академическом издании, принадлежит неустойчивое употребление Пушкиным окончаний «-и» и «-ъ» существительных.

Рассмотрим некоторое количество примеров.¹

В письме А. Н. Вульфу в конце августа 1825 г.: «об коляскѣ» (Акад. XIII, 219); но ему же 10 октября 1825 г.: «о коляски моей» (Акад. XIII, 237). С. А. Соболевскому 9 ноября 1826 г.: «из коляски» (Акад. XIII, 302); так же дважды в письме жене от 2 сентября 1833 г. (Акад. XV, 77). Однако в одиннадцатой главе «Дубровского» зачеркнутый вариант «вышел из коляскѣ» (Акад. VIII, 803 вар. к с. 199.37, окончание исправлено редактором), при том, что в девятой главе родительный падеж этого слова написан правильно: «к козлам коляски» (Акад. VIII, 194).

¹ Цитаты сверены с автографами или прижизненными изданиями и в нужных словах восстановлены окончания «-и» и «-ъ» везде, где они изменены

³⁶ Левкович Я Л Указ соч С 107, Schutz J Op cit S 31-33

Форма «в перепискѣ» употреблена в 1824 г. в наброске «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...» (Акад. XI, 21), в 1825 г. перенесена в статью «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (Акад. XI, 34), позднее встречается в письмах П. А. Вяземскому от 10 июля 1826 г. (Акад. XIII, 286) и М. П. Погодину от конца (27–30) июня 1831 г. (Акад. XIV, 185). Но в письме П. А. Вяземскому из Одессы 20 декабря 1823 г.: «в переписки нашей» (Акад. XIII, 82), и так же в письме Л. С. Пушкину от 1 апреля 1824 г.: «в дружеской переписки» (Акад. XIII, 90, окончание исправлено редактором).

В «Table-talk» пословица: «По одежкѣ дери ножки» (Акад. XII, 176), но ранее она же в письме С. А. Соболевскому 15 июля 1827 г.: «по одежки тyani ножки» (Акад. XIII, 332).

В дневнике 7 января 1834 г.: «он бросился к своей запискѣ» (Акад. XII, 319). Однако в письме Н. И. Гончаровой от 16 мая 1835 г.: «по записки она могла бы заключить» (Акад. XVI, 25); так же в записке от 29 декабря 1836 г. в книжную лавку А. Ф. Смирдина: «выдать по сей записки» (Акад. XVI, 206).

В адресах писем к П. А. Осиповой: Прасковья Александровнѣ (Акад. XIV, 201; XVI, 24, 68) и Прасковьи Александровнѣ (Акад. XIII, 330; XIV, 222; XV, 63; XVI, 58); Прасковии Александровнѣ (Акад. XIV, 185; XVI, 207) и Прасковиѣ Александровнѣ (Акад. XIV, 124).

В адресах писем к невесте и жене: Натальѣ Николаевнѣ (Акад. XIV, 104, 105, 115, 116, 119, 120, 246 дважды, 248, 249; XV, 82); Натальи Николаевнѣ (Акад. XIV, 125, 130, 244; XV, 30, 32, 35, 73, 76, 79, 86, 87, 88, 94, 128, 135, 137, 146, 149, 150, 154, 157, 162, 167, 170, 180, 181, 183, 184, 193; XVI, 25, 48, 49, 52, 53, 111, 118); Наталии Николаевнѣ (Акад. XIV, 131; XV, 32, 34, 72, 129).

В «Дубровском»: «секут на обе коркѣ» (Акад. VIII, 821 вар. к с. 217.26 с редакторской пометой о том, что это описка); но на обороте того же листа рукописи (ПД 1021, л. 5): «отодрать тебя на обе корки» (Акад. VIII, 822 вар. к с. 217.31–33).

В «Истории села Горюхина» было первоначально написано: «Бирки в пазухи несет» — и сразу исправлено: «в пазухѣ» (ПД 1000/2, л. 4; ср. Акад. VIII, 137).

В набросках «<Опровержение на критики>» — обратное исправление: первоначальное «Кстатѣ о грамматике» изменено на «кстати» (Акад. XI, 391, 147). Это написание было у Пушкина привычным и устойчивым,² однако в двух случаях на конце поставлено «ѣ» (письмо А. И. Тургеневу от 9 июля 1819 — Акад. XIII, 10; «Евгений Онегин», V, 36.9).

В «Истории села Горюхина» в фразе «...во всем доме кроме Азбуки, купленной для меня, календарей и новейшего письмовника, никаких книг не находилось» (VIII, 127) первоначально было «никакой книгѣ», но ошибка была сразу замечена, «гѣ» зачеркнуто и надписано «ги», так что последние слова стали читаться «никакой книги не находилось» (Акад. VIII, 697 вар. к с. 127.18).³

Предложный падеж существительного «лагерь» написан Пушкиным 13 раз с конечным «ѣ» и 7 раз с конечным «и» (см.: Словарь II, 446–447). Употреблял Пушкин эти формы вперемежку, иногда в непосредственном соседстве одной с другой, например в «Записках Моро де-Бразе»: «в лагерѣ» (Акад. X, 316.27), «в лагери» (316.33), «в лагерѣ» (317.15); «в лагери» (337.14, 23) и «в лагерѣ» (337. 36, 49).

В «<Арапе Петра Великого>» первоначальное «по-латынѣ» исправлено на «по-латыни» (ПД 837, л. 39; ср.: Акад. VIII, 29). Это наречие употреблено Пушкиным еще 9 раз (Словарь III, 496), из которых в семи случаях с конечным «и», а дважды — с «ѣ», что явно вызвано традиционной рифмовкой: «Латынь из моды вышла нынѣ: / Так, если правду вам сказать, / Он знал довольно по-латынѣ, / Чтоб эпиграфы разбирать...» («Евгений Онегин», гл. I, б. 1–4; см.: Акад. VI, 7, 219); «Граф точно так, как по-латынѣ, / Знал по-арабски. Он не раз / Спасался

² Словарь языка Пушкина. М., 1957. Т. 2. С. 424–425. В дальнейшем ссылки на это издание — в тексте, сокращенно «Словарь», с указанием тома римской цифрой и страницы арабской.

³ Ср. выше написание в «Дубровском» «из коляскѣ». Любопытно отметить, что Б. В. Томашевский, подготовивший в академическом издании тексты как «Истории села Горюхина», так и «Дубровского», по-разному отразил эти «неправильные» формы в разделе вариантов. В первом случае отдельно показано написание «никакой книгѣ» (с заменой «ѣ» на «е» — Акад. VIII, 697), во втором «ошибка» исправлена и напечатано «из коляски» (Акад. VIII, 803)

тем от злых проказ, / Но от беды не спасся нынѣ» («<Из Ариостова «Orlando Furioso»>», 110. 90–94; см.: Акад. III, 17).⁴

По тем же соображениям, т.е. ради точной рифмы, вместо правильного «ѣ» употреблено «и» в следующих стихах: «Одежда неги заменит / Железные доспехи брани. / Но прежде юношу ведут / К великолепной русской бани» («Руслан и Людмила», гл. IV, 109–112; см.: Акад. IV, 53); «Татьяна, по совету няни / Сбираясь ночью воровать, / Тихонько приказала в бани / На два прибора стол накрыть...» («Евгений Онегин», V, 10. 1–4; см.: Акад. VI, 101); «Но я плоды моих мечтаний / И гармонических затей / Читаю только старой няни / Подругѣ⁵ юности моей...» («Евгений Онегин», IV, 35. 1–4; см.: Акад. VI, 88).

На основании совокупности приведенных примеров можно сделать следующие выводы:

1. В заударном конечном открытом слоге гласный, обозначающийся буквой «ѣ», после мягкого согласного в произношении Пушкина совпадал с [и] или был близок этому звуку. Это подтверждается также рифмами: «халатѣ: кровати» («Руслан и Людмила», III, 34–35), «встречѣ: плечи» (там же, IV, 334–335), «Эсфири: порфирѣ» («<На Колосову»», 1–3), «сени: на бекренѣ» («Тень Фонвизина», 53–54), «одеждѣ: ножки» (см. выше). По наблюдению М. В. Панова, «в предл. падеже существительных <Пушкиным> произносился во всех склонениях гласный и-образный».⁶

⁴ В первой сатире А.Д.Кантемира:

Живали мы преж сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнее, чем мы живем нынѣ...

(*Стихи 43–44*)

(*Кантемир А. Д. Сатиры и другие стихотворческие сочинения. СПб., 1762. С. 4*).

⁵ Так в автографах (ПД № 835, л. 76; № 935, л. 20 об.), первом издании главы (СПб., 1828) и первом полном издании (СПб., 1833). Во втором полном издании (СПб., 1837) — «подруги», что повторено в Акад. (VI, 88). Форма «подругѣ» в обеих рукописях свидетельствует о том, что отступление от правильного окончания дательного падежа в слове «няни» было намеренным.

⁶ *Панов М. В. История русского литературного произношения, XVIII–XX вв. М., 1990. С. 272.*

2. Смещение Пушкиным в этой позиции букв «и» — «ѣ» было явлением не грамматическим, а фонетическим; его причиной не было просторечное, сбивчивое употребление падежных форм. Правильные падежные формы Пушкин хорошо знал, они у него на письме преобладали, что согласуется с заключением М. В. Панова, согласно которому «употребление грамматических форм, их смысловое размежевание было у Пушкина строго нормативным; ненормативным было употребление букв „и“ — „ѣ“ ввиду звукового совпадения заударных гласных».⁷ Индивидуальным это явление не было: к Пушкину и его современникам оно перешло из XVIII века.⁸

⁷ Там же. С. 271. Вместе с тем почти все отклонения Пушкина от правильной орфографии находят параллели и объяснения в диалектных формах падежей (см.: *Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Л., 1927. Вып. 1. С. 87–97, 250–263*) и нуждаются во внимательном анализе лингвистов, которые до сих пор не уделили должного внимания этой стороне языка национального поэта.

⁸ Например, при перепечатке из журнала «Доброе намерение» (1764. Июль) рассказа, содержавшего фразу: «прохаживаясь некогда по своей пустыни» (С. 329) — окончание «-и» заменилось на «-ѣ» ([*Новиков И. В.*] Похождение Ивана гостинного сына, и другие повести и скаски. СПб., 1785. Ч. 1. С. 97).

В песне «Ты воспой, воспой млад живороночик...» как она была напечатана М. Д. Чулковым:

Пишет грамотку к отцу, к матери:
Он просит тово живороночка,
Отнеси ты млад живороночик,
На мою ли, ах! дальну сторону,
Ты сие письмо к отцу, к матерѣ...

(*Чулков М. Д. Собрание разных песен. СПб., 1770. Ч. 1. С. 167*)

Стих: «Посредѣ тебя поля чистова» — из песни «Ах ты поле мое, поле чистое...» (Там же. С. 176) был напечатан с тем же окончанием «-ѣ» в кн.: *Комаров М. Обстоятельные и верные истории двух мошенников... СПб., 1779. С. 126*), а при ее переиздании оно было заменено на «-и» (*Комаров М. Обстоятельные и верные истории двух мошенников... М., 1794. С. 202*). Такая же замена произошла на этом пути в стихе: «Негдѣ мнѣ соловеюшкѣ тепла гызда свити» — из песни «Ах под лесом, лесом, под зеленой дубравой...» (*Чулков М. Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 192*); у М. Комарова в 1779 г. «соловеюшкѣ» (с. 112), в 1794 — «соловеюшки» (с. 184). Еще в одном случае — обратная замена: у Чулкова (в песне «Вещевало мое сердце, вещевало...») «По конюшенки душа моя гуляет» (Ч. 1. С. 181), то же у Комарова в 1779 г. (с. 129), а в 1794 — «По конюшенкѣ» (с. 205).

3. Появление буквы «ѣ» в род. падеже ед. ч. ж. р. («из коляскѣ», «никакой книгѣ») объясняется, видимо, тем, что на конце существительных она могла восприниматься графическим дублетом буквы «и», каковым она, по мнению М. В. Панова, выступала, например, в написаниях типа «в сраженьѣ — в сраженьи», свободно варьировавшихся в пушкинское время у одного и того же автора.⁹ Вместе с тем существовала, просторечная форма род. падежа ед. ч. ж. р. с окончанием «-ѣ», о чем будет идти речь ниже.

4. В стихах Пушкин взаимозаменял конечные «и» — «ѣ» для графического оформления точной рифмы.

Эти выводы могут стать основой для решения в каждом конкретном случае вопроса о сохранении либо изменении неправильных окончаний «-и» и «-ѣ».

Окончание «-и» дательного и предложного падежей существительных ж. р. ед. ч., вместо грамматически правильного «-ѣ», встречается в XVIII в. и у современников Пушкина.¹⁰ В. И. Чернышев придерживался мнения, согласно которому, «если в рифмах Пушкина предложные падежи на и от слов женского рода на а, я следует считать оправданными, то вне рифмы они должны допускаться лишь после тщательной проверки источников».¹¹ Очевидно, это положение должно распространяться и на дательные падежи; а согласившись с ним, следует «узаконить» в «Борисе Годунове» написание «к заутрени» («Ночь. Келья в Чудовом монастыре», 195; см.: Акад. VII, 23). В беловом автографе первоначальная грамматически правиль-

ная форма «к заутренѣ» была Пушкиным переправлена на «к заутрени» (ПД 891, л. 10), в этом виде слово перешло в писарскую копию и оставлено автором при ее просмотре без изменения (ПД 892, л. 10),¹² так же было оно напечатано в первой публикации сцены;¹³ в первом издании трагедии снова появилось «к заутренѣ»,¹⁴ однако считать это возвращением Пушкина к исходному, правильному написанию нет основания, поскольку рукопись, по которой печатался текст, не сохранилась, корректуру Пушкин не читал, а Жуковский, подготавливавший издание, или, может быть, типография подвергли язык пьесы сознательной либо невольной нивелировке, приводя его «к нормальному языковому типу, лишаящему трагедию целого ряда мелких, но характерных языковых особенностей».¹⁵

Признание формы «к заутрени» намеренной и, следовательно, несущей определенную стилистическую нагрузку, закономерно ставит вопрос, не выполняют ли подобной функции в той же сцене два других написания с конечным «и» на месте «ѣ» «Он говорил игумену и братьи» (стих 112) и «в темной кельи» (стих 200).¹⁶ В следующей же сцене «Бориса Годунова»: «пришел к моей чудовской братии» («Палаты патриарха», 6–7), а во всех других случаях Пушкин различал стилистически и

¹² В новейшем издании этой редакции трагедии напечатано: «к заутрене» (Пушкин А. С. Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве, 1825 / Подгот. текста и ст. С. Фомичева. Париж; Петербург, 1993. С. 48).

¹³ Моск. вестник. 1827. Ч. 1. № 1. С. 10.

¹⁴ Борис Годунов / Соч. А. Пушкина. СПб., 1831. С. 24.

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 7. С. 430–431.

¹⁶ В обоих автографах и первой публикации: «Он говорил Игумену и братьи» (ПД 891, л. 8 об.; ПД 892, л. 8 об.; Моск. вестник. 1827. Ч. 1. № 1. С. 7); в первом издании трагедии, исправляя указанную ему ошибку в склонении слова «игумен» (см.: Акад. XI, 147), Пушкин изменил стих: «Он говорил игумну и всей братьѣ» (СПб., 1831. С. 19), однако нет уверенности в том, что окончание рассматриваемого слова он тоже изменил сам. В новейшем издании редакции 1825 г.: «братѣ» (Пушкин А. С. Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. С. 45).

В обоих автографах и первой публикации: «кельи» (ПД 891, л. 10; ПД 892, л. 10; Моск. вестник. 1827. Ч. 1. № 1. С. 10); в первом издании трагедии исправлено на «кельѣ» (СПб., 1831. С. 24); в новейшем издании редакции 1825 г.: «келье» (Пушкин А. С. Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. С. 48).

⁹ Там же. С. 240.

¹⁰ Например: «Надпись к статуе Императора Петра I» (заглавие стихотворения А. П. Сумарокова; см.: Ежемесячные сочинения. 1756. Июль. С. 65); «сродники ево живут в ближайшей деревни» ([Фенелон Ф.] Алибей, восточная повесть // Санктпетербургский вестник. 1778. Ч. 1. Июнь. С. 449; То же // [Арндт Б. Ф.] Трязычная книга... СПб., 1779. С. 63); «пошел он к обедни» ([Ленобль Э.] Новые забавные сказки, выбранные из книги, называемой выручаемые фанты. 2-е изд. М., 1782. Т. 2. С. 5); «жалею о потери жизни» (Из писем князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову // Русский архив. 1879. № 6. С. 244). О диалектном употреблении этих форм см.: *Обнорский С. П.* Указ. соч. С. 250.

¹¹ Чернышев В. И. Замечания о языке и правописании А. С. Пушкина: (По поводу академического издания) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 442.

орфографически дательный падеж существительного «братия» и его формы «братья».¹⁷ В речи Пимена форме «братьи» уместно, видимо, быть производной от «братии», редуцированной по соображениям ритма (хотя произносилась она так же, как и «братьѣ», и могла поэтому — во всяком случае, теоретически — представлять собой неправильный письменный вариант последней). Нельзя сделать бесспорного вывода и относительно формы «в темной кельи». Ранее в той же сцене, в монологе Пимена, написано (и напечатано): «вот в этой самой кельѣ» (стих 103). Поскольку «в кельѣ» и «в кельи» произносились одинаково, то вряд ли разные окончания на письме могли служить стилистическому различению речи Пимена и речи Григория. Написание «в кельи» встречается у Пушкина еще только дважды: «Все тихо в мрачной кельи» («К сестре», 65, рифма: веселий)¹⁸ и «Весь Божий день он в кельи провождал» («Монах», I, 50; Акад., I, 15). Форма «в кельѣ» встречается у Пушкина еще четыре раза: «в кельѣ молчаливой» («Послание к Ю<дину>», 100; Акад., I, 158), «в моей пустынной кельѣ» («19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»), 5; Акад., II, 424), «в кельѣ модной» («Евгений Онегин», VII, 20. 1; Акад., VI, 147), «в безмолвной кельѣ» («Моцарт и Сальери», I, 26; Акад., VII, 124).¹⁹

Во всех других случаях окончание «-и» на месте полагавшегося «-ѣ» не несло у Пушкина никаких стилистических функций и может быть безболезненно заменено, как это неизменно дела-

¹⁷ «Не написал я ничего братии московской» (письмо А. А. Краевскому 18 июня 1835 — Акад., XVI, 36); «Поклон братьям и братьѣ» (А.И.Тургеневу 1 декабря 1823 — Акад., XIII, 80); «И нашей братьѣ рифмачам / Кричит» («Евгений Онегин», IV, 32.4–5; см.: Акад., VI, 87); «Ужели так трудно нашей братьѣ критикам сохранить хладнокровие?» (Акад., XI, 124).

¹⁸ Автограф не сохранился, и стихотворение печатается по записи, сделанной по памяти О. С. Павлицевой. Наличие рифмы свидетельствует о подлинности написания «в кельи». Вне рифмы, в строке 78, написано: «И в кельѣ я блажен» (ПД ф. 244, оп. 4, № 3, л. 1 об.). В академическом издании воспроизведены оба написания (см.: Акад., I, 42, строка 64 и 78), однако в Акад., (I, 39) они бесосновательно унифицированы: «в кельи».

¹⁹ Еще два употребления содержатся в стихотворениях, автографы которых не сохранились и текст известен по прижизненным публикациям: «К Г<аличу>», 47 (Акад., I, 110); «Послание к Г<аличу>», 36 (Акад., I, 123).

лось в прижизненных изданиях, а иногда и в академическом «Полном собрании сочинений».²⁰ Впрочем одно подобное исправление, введенное Г. О. Винокуром в «Борисе Годунове» в

²⁰ «... часто думал он о графини D.» (Акад., VIII, 13); «на прошедшей ассамблеи» (Акад., VIII, 27; но «на прошедшей ассамблеѣ» — Акад., VIII, 22, по прижизненной публикации, автографа нет); «Дуня собиралась к обедни» (Акад., VIII, 101), «пошел сам к обедни» (Акад., VIII, 102), «зовут нас к обедни» (Акад., XII, 175) (в пяти случаях «к обеднѣ» — см.: Словарь III, 13); «явиться к** земскому судьи» (Акад., VIII, 167); «к вечерни» (Акад., VIII, 290); «в белом утреннем платье» (Акад., VIII, 182; во всех других 14 случаях «в платьѣ», в том числе в похожих и почти тождественных сочетаниях — Словарь III, 360); «учил ее музыки» (Акад., VIII, 208); «объяснял Марьи <Кириловне>» (Акад., VIII, 209, в автографе последняя буква — росчерк, который ближе к «и», чем к «ѣ»), «возбуждавшей в Марьи <Кириловне>» (Акад., VIII, 209), «донести о том Марьи Кириловнѣ» (Акад., VIII, 215), «о Марьи Кириловнѣ» (Акад., VIII, 218); «к Марьи Ш.<онинг>» (Акад., VIII, 393); «о Марьи Ивановнѣ» (Акад., VIII, 310); «к Марьи Ивановнѣ» (Акад., VIII, 355); «присоветовала Марьи Ивановнѣ» (Акад., VIII, 357); «женился на девицѣ Авдотьи Васильевнѣ Ю.» (Акад., VIII, 279); «на будущей недели» (Акад., VIII, 396; в шести других случаях «на неделѣ» — см.: Словарь II, 780); «о саратовской деревни» (Акад., VIII, 408); «в русской бани» (Акад., VIII, 457); «об Черкешенки Истоминой» (Акад., XIII, 56), «о Черкешенки» (Акад., XIII, 58); «Песни о Стеньки» (Акад., XIII, 342; ср.: «О Стенькѣ Разинѣ» — Акад., VI, 480; «известие о Сенькѣ Разинѣ» — Акад., XIII, 121); «кланяюсь сердечно Софьи Михайловнѣ» (Акад., XIV, 193); «на Остоженки» (Акад., XV, 37; ср.: «На Остоженкѣ» — Акад., XV, 51, 99).

Неясный случай: «отдал ее на руки француженки» (Акад., VIII, 39). Считается, что здесь употреблен родительный падеж слова «француженка» (Словарь IV, 795), однако не имел ли Пушкин в виду дательный?

Исправление пушкинских написаний в академическом издании: «В приятной неге, на постеле» («Тень Фон-Визина», 282; см.: Акад., I, 163; так же в Акад., I, 140; в авторизованной копии (ПД № 10, л. 5 об.): «В приятной неги, на постелѣ» — см.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 10); «к корзинке» (Акад., VIII, 133; в автографе: «к корзинки» — см.: ПД 1000, л. 8); «в глухой деревне» (Акад., VIII, 173; в автографе: «деревни» — см.: ПД 1008, л. 3 об.; но в том же сочетании сохранено пушкинское написание в письме к Д. М. Шварцу ок. 9 декабря 1824 г.: «в глухой деревни» — Акад., XIII, 129, 404); «в истерическом припадке» (Акад., VIII, 206; в автографе: «припадки» — см.: ПД 1017, л. 7); «по нагорной тропинке» (Акад., VIII, 306; в автографе: «тропинки» — см. ПД 1047, л. 13; в прижизненном издании «Капитанской дочки» исправлено на «тропинкѣ»); «предав себя божией воле» (Акад., VIII, 288; в автографе: «воли» — см. ПД 1046, л. 6; в прижизненном издании «Капитанской дочки»: «волѣ»).

В печатных текстах окончание «-и» вместо «-ѣ» появлялось как опечатка. Так, в первой публикации «Метели» было напечатано: «глаза его <...> остав-

стих 118 сцены у фонтана («Как девочке доверчивой и слабой» вместо «Как девочки» доверчивой и слабой»²¹) вызвало несогласие пушкинистов, видевших здесь родительный, а не дательный падеж,²² в результате чего в печатных изданиях утвердились оба варианта²³

Обратным только что рассмотренному явлением было употребление на письме окончания «-ѣ» вместо грамматически правильного «-и» в дательном и предложном падежах ед ч существительных ж р третьего склонения В И Чернышев считал,

ливались на Марьѣ Гавриловнѣ» (Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А П СПб, 1831 С 65, см Акад VIII, 84), при перепечатке появилось «-и» «на Марьи Гавриловнѣ» (Повести, изданные Александром Пушкиным СПб, 1834 С 64) В автографе (ПД № 996, л 27 об) окончаний нет, т к имя и отчество героини обозначены инициалами «останавливались на М Г»

²¹ Пушкин А С Полн собр соч Л Изд-во АН СССР, 1935 Т 7 С 62 (ср варианты — Там же С 289), Акад VII, 62, 295

²² Дискуссию по этому вопросу см Пушкин А С Полн собр соч Л Изд-во АН СССР, 1935 Т 7 С 430, *Городецкий Б П* «Борис Годунов» А С Пушкина Редакция текста и комментарии Г О Винокура [Рец] // Пушкин Временник Пушкинской комиссии М, Л, 1939 Т 4/5 С 531–532, *Виноградов В В* О языке художественной литературы М, 1959 С 249–250, *Бонди С М* Заметки (Об удачах и ошибках текстологов) // *Бонди С М* Черновики Пушкина Статьи 1930–1970 гг М, 1971 С 224–231 (здесь приведен ряд примеров употребления Пушкиным в дательном падеже окончания «-и» вместо «-ѣ»)

²³ Форму «девочки» последовательно печатал в редактируемых им изданиях Б В Томашевский — во всех изданиях своего одноименника (*Пушкин А С* Соч [В 1 т] / Ред Б Томашевского и К Халабаева Л Госиздат, 1924 С 289, 6-е изд М, Л Госиздат, 1930 С 213, *Пушкин А С* Соч [В 1 т] / Ред, биограф очерк и примеч Б Томашевского, вступ ст В Десницкого Л Гослитиздат, 1936 С 210, 2-е изд, испр и доп Л Гослитиздат, 1938 С 214), в «Полных собраниях сочинений» А С Пушкина, выпущенных в шести томах журналом «Красная нива» (М, Л Госиздат, 1930 Т 3 С 312) и Гослитиздатом в 1930-е гг (М, Л, 1931 Т 3 С 396, 5-е изд М, 1937 Т 3 С 69), наконец в «малом» академическом десятитомнике (*Пушкин А С* Полн собр соч В 10 т М, Л Изд-во АН СССР, 1949 Т 5 / Текст проверен и примеч составлены Б В. Томашевским С 282, 3-е изд М Наука, 1964 Т 5 С 282), однако в последнем, посмертном, издании десятитомника воля ученого была нарушена и принята форма «девочки» (4-е изд Л Наука, 1978 Т 5 С 244) Форму «девочки» печатал Д П Якубович в обоих изданиях «Academia» (*Пушкин А С* Полн собр соч В 9 т М, Л, 1935 Т 6 С 80, Полн собр соч В 6 т М, Л, 1936 Т 3 С 232), в 1960-е гг ее принял и С М Бонди (*Пушкин А С* Собр соч В 10 т М Гослитиздат, 1960 Т 4 С 262) и повторил при переиздании этого массового десятитомного «Собрания сочинений» (М Худож лит, 1975

что «формы предложного падежа на е <имеется в виду, конечно, «ѣ» — В Р > от слов женского рода на ѣ, не закрепленные в рифмах поэта, нужно признать следами слабой организации или следствием корректурного недосмотра»²⁴

В трех словах (постель, церковь, шинель) употребление «-и» вместо «-ѣ» имело у Пушкина устойчивый характер

В языке Пушкина сосуществовали в именительном и винительном падежах ед ч формы «постель» (имен — 1 употребление, вин — 11) и «постеля» (3) — «постелю» (13) (см Сло-

Т 4 С 229), хотя сам же несколькими годами ранее выступил в поддержку чтения Г О Винокура (см его статью, указанную в предыдущей сноске) Подобную же непоследовательность допустил и Д Д Благой, напечатавший в одном и том же году и «девочки» (*Пушкин А С* Избр произведения [В 1 т] М Моск рабочий, 1949 С 517), и «девочки» (*Пушкин А С* Избр произведения В 3 т М, Л Изд-во детской лит, 1949 Т 3 С 65), позднее он вернулся к первому варианту (*Пушкин А С* Евгений Онегин. Драматические произведения, Романы, Повести М Худож лит, 1977 С 247 (Библиотека всемирной литературы, Сер 2 Т 104)

Форма «девочки» *Пушкин А С* Полн собр соч В 6 т М Гослитиздат, 1950 Т 3 / Том подгот Д Д Благой и С М Петровым С 304, *Пушкин А С* Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве, 1825 / Подгот текста и ст С Фомичева Париж, Пб, 1993 С 136, *Пушкин А С* Собр соч В 5 т СПб Библиополис, 1993 Т 2 / Сост и автор примеч С А Фомичев С 463, *Пушкин А С* Борис Годунов Трагедия / Предисл, подгот текста, ст С А Фомичева, коммент Л М Лотман СПб Акад проект, 1996 С 74, *Пушкин А С* Полн собр соч В 2 т / Общ ред и вступ ст Н Н Скатова М Издат центр «Классика», 1999 Т 1 С 421 (подгот текста Е А Вильк), *Пушкин А С* [Соч В 5 т] / Под общ ред Н Н Скатова М Издат дом «Синергия», 1999 Т 3 С 248 (Новая школьная библиотека)

²⁴ Чернышев В И Указ соч С 442 Подобный «корректурный недосмотр» проскальзывал иногда в печатных текстах XVIII в, например «будучи раскален любовию к Мариѣ», но «пришел к Марии» (Детская книга, или Собрание нравочительных повестей М, 1796 С 29, 33)

Употребление «ѣ» вместо грамматически правильного «и» в предложном падеже случалось в пушкинское время и у существительных мужского рода Например запись от 4 февраля 1819 г в «Путевых записках» А С Грибоедова «я видел в нем Маржерета, выходца при Дмитрѣ, прозванном Самозванцем» (*Грибоедов А С* Полн собр соч / Под ред и с примеч Н К Пиксанова Пг, 1917 Т 3 С 47), воспроизведенное в рецензии заглавие книги «Сказания современников о Дмитрѣ Самозванцѣ», но в тексте рецензии и оглавлении журнала «о Дмитрии Самозванцѣ» (Телескоп 1832 Ч 10 № 16 С 524, 525, 532), в письме П А Катенина к Пушкину от 27 марта 1828 г «Нельзя ли тебе справиться о некоем Афанасиѣ Петровицѣ Тютчевѣ» (Акад XIV, 8)

варь III, 590). Равновесие двух склонений в винительном падеже резко нарушается в дательном и предложном. Из 39 их употреблений лишь один раз (последний в жизни, в начале января 1837 г.) Пушкин написал «в постели» (Акад. XII, 154), а до этого, на протяжении всей жизни, он писал «в (к, на) постелѣ». Вряд ли, однако, эту разительную диспропорцию можно интерпретировать как полное преобладание в грамматическом сознании Пушкина формы «постеля». Коль скоро в открытой конечной заударной позиции после мягкой согласной «ѣ» обозначало [и]-образный звук²⁵ и, таким образом, произношение в этих падежах по обоим склонениям совпадало, то различия в написании теряли значение и достаточной оказалась одна форма («постелѣ»), по которой становится невозможно определить именительный падеж и, следовательно, тип склонения. Отсюда возникает необходимость сохранять написание с конечным «ѣ», тем более, что оно прочно закреплено рифмою, выступив 8 раз в паре с одним и тем же словом «делѣ»: «Орлов с Истоминой в постелѣ...», 1–3 (Акад. II, 37); «Сказки. Noël», 25–27 (Акад. II, 70); «Руслан и Людмила» II, 420–422 (Акад. IV, 34); «Евгений Онегин», I, 15.1–3; 52.1–3; У1, 38–39.9–12 (Акад. VI, 10, 26, 133); «Воевода», 4–5 (Акад. III, 313); «Клеветникам России», 31–32 (Акад. III, 270). Этот вывод не противоречит рекомендации «различать формы «в постеле» от «постеля» и «в постели» от «постель», которые необходимо сохранять».²⁶

Формы «к (в) церквѣ» употреблены 10 раз, правильные (с окончанием «-и») — 17 раз. В рифме ни то ни другое у Пушкина не встречается. В прижизненных изданиях пушкинское написание «в церквѣ» исправлялось на грамматически правильное.²⁷

²⁵ Подтверждением для анализируемого слова служит у Пушкина рифма «узрели: на постелѣ» («Тень Фон-Визина», 281:282; Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 10; Акад. I, 140).

²⁶ Основы текстологии / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1962. С. 355.

²⁷ В первой публикации стихотворения «К другу стихотворцу» в строке 81: «в церкви» (Вестник Европы. 1814. № 13. С. 12; отсюда в Акад. I, 27 и Акад. I, 27); в автографе (ПД 864, л. 4 об.): «в церквѣ» (строка 93). В автографе «Истории Пугачева» дважды «в церквѣ» (ПД 1207, л. 58–58 об.), в академическом издании одно написание сохранено (Акад. IX, 26.13), одно изменено (Акад. IX, 26.4). В Словаре (IV, 871) учтены варианты, напечатанные в академическом издании, и поэтому численное соотношение написаний (8:19) отличается от указанного в данной статье.

Предложный падеж от слова «шинель» Пушкин употребил 5 раз — только в прозе и только в написании «в шинелѣ» (см.: Словарь IV, 975). В прижизненных изданиях отражен только один случай («Станционный смотритель» — Акад. VIII, 101) в исправленном виде.

Форму «в кроватѣ» текстологи рекомендуют «исправлять как ошибку, так как слова «кроватя» в русском языке не было».²⁸ У Пушкина в дательном и предложном падежах преобладает окончание «-и» (Словарь II, 410), в том числе и в рифме «халатѣ: кровати» («Руслан и Людмила» III, 34–35; Акад. IV, 38). Однако на шесть этих написаний приходится три с конечным «ѣ». В «<Арапе Петра Великого>» обе формы нахо-

Один случай написания «в церквѣ» в Словаре не учтен, так как оно употреблено в черновом автографе предисловия «От издателя» к «Повестям Белкина»: «погребен в церквѣ села Гор<ю>хина» (ПД 994, л. 6 об.; см.: Акад. VIII, 590). Любопытно, что в первом издании «Повестей» в соответствующей (измененной) фразе было напечатано «в церкви» (Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П. СПб., 1831. С. XVII; существуют подобные диалектные формы: *Обнорский С. П.* Указ. соч. С. 88, 93–94); в последующих прижизненных изданиях это исправлено.

У А. И. Богданова, составившего в 1749–1751 гг. описание новой российской столицы: «кого погребсти при какой Церквѣ» (Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. СПб., 1997. С. 321). Примеры употребления формы «в церквѣ» в конце XVIII в. см.: Записки Михаила Гарновского // Рус. старина. 1876. Т. 16. Кн. 7. С. 411; *Комаров М.* Обстоятельные и верные истории двух мошенников... СПб., 1779. С. 38; [*Пфеффель Г. К.*]. Собрание разных забавных и веселых повестей, или Исторической магазин для разума и сердца / Пер. с фр. Н. Унковской. М., 1779. Ч. 2. С. 93; *Виноградский И. Н.* Картина нравов... М., 1789. Ч. 2. С. 42; [*Про Л.*]. Дух Генрика IV... М., 1789. С. 49; [*Беранже Л.-П., Гибо Э.*]. Нравоучение, представляющее на самом деле. М., 1790. Ч. 2. С. 234; *Каржавин Ф. В.* Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских. СПб., 1794. С. 189. В «Итальянском дневнике» (1781) Н. А. Львова (*L'von N. A. Italienisches Tagebuch = Итальянский дневник / Hrsg. und kommentiert von K. Ju. Lappo - Danilevskij. Köln; Weimar; Wien, 1998*) последовательно: «в церквѣ della Madonna del<la> Annunziat<a>» (S. 52), «В сей же церквѣ» (S. 53), «в церквѣ» (S. 75, 86) (в им. и вин. падежах Львов произносил твердый конечный звук и соответственно писал: «Соборная церковь» — S. 52; «церковь Sta Maria Novella» — S. 53; «не входить в церковь» — S. 85).

О диалектных формах «в (к) церквѣ» см.: *Обнорский С. П.* Указ. соч. С. 253, 263.

²⁸ Основы текстологии. С. 355.

дятся на близких страницах одной и той же главы: «Служанка <...> подошла к кроватѣ» (Акад. VIII, 29) и «старая крошка <...> подкатилась к ее кровати» (Акад. VIII, 31); еще более тесное соседство наблюдается в начальных строках пятой главы «Капитанской дочки»: «Я лежал на кроватѣ» (Акад. VIII, 307; в прижизненной публикации исправлено: «на кровати») и «Марья Ивановна подошла к моей кровати» (там же). Эти примеры говорят о том, что формы на «-ѣ» не несли, видимо, никакой стилистической или иной значимой функции, а были графическими вариантами грамматически правильных написаний.

Двадцать один раз написал Пушкин «в памяти» (Словарь III, 272–273), в том числе в «Евгении Онегине»: «Хранила в памяти» (III, 17. 6; см.: Акад. VI, 58); однако в одном случае, в «Евгении Онегине» (I, 6. 14): «Хранил он в памятьѣ своей» (Акад. VI, 8; во всех прижизненных изданиях исправлено: в памяти).

Форма «по-латынѣ (латинѣ)», существовавшая в XVIII в. параллельно с «по-латыни (латини)»,²⁹ сохранялась и в пушкинскую эпоху,³⁰ чем и были вызваны отмеченные выше (с. 397) колебания поэта в их употреблении.

Пушкинское написание «в Рязанѣ» (Акад. VIII, 21) во всех трех прижизненных публикациях отрывка из четвертой главы «<Арапа Петра Великого>» было исправлено на «в Рязани». Возможно, форма на «-ѣ» отражала явление, отмеченное в свое время А. А. Барсовым: «Астраханѣ, Казанѣ, Сибирѣ едва ли не более употребительны правильных Астрахани, Казани, Сибири».³¹ У Пушкина в пропущенной главе «Капитанской дочки», «Истории Пугачева» и «Истории Петра» — «в (к, о) Астра-

хани» (Акад. VIII, 383; IX, 87; X, 242 трижды, 252); но в материалах к «Истории Пугачева» и к «Истории Петра» дважды «в Астраханѣ» (Акад. IX, 631; X, 86). В записи народных песен: «В городе то было во Астраханѣ» (ПД 836, л. 51 об.).³² Это написание вряд ли допустимо исправлять, поскольку название «Астрахань» могло выступать в мужском роде (в черновиках «Путешествия Онегина»: «Торговый Астрахань открылся» — см.: Акад. VI, 480, 499) и, следовательно, в предложном падеже ед. ч. получать форму «Астраханѣ». Правда, в рукописях Пушкина это слово не встречается в других косвенных падежах мужского рода, но грамматически подобное ему «Тамань» колеблется в родительном падеже между мужским и женским родом.³³

Наблюдаются у Пушкина колебания и в употреблении форм «в (к) Казани» и «в (к) Казанѣ». В «Борисе Годунове»: «Как во городе было во Казани» («Корчма на литовской границе», см.: Акад. VII, 29, 293). В «Истории Пугачева» многократно только правильное написание (Акад. IX, 14, 34, 62, 64, 65, 178, 209 дважды, 308, 319, 349 дважды, 360, 361, 362 дважды, 365, 366, 424 вар. к с. 38.26), а в материалах к ней дважды фигурирует собственноручно написанное «в Казанѣ» (Акад. IX, 667, 718), наряду, впрочем, с несколькими также собственноручными «в Казани» (Акад. IX, 623, 629, 661, 717, 772, 783). В черновой рукописи «Замечаний о бунте» также «в Казани» (Акад. IX, 478). В материалах к «Истории Петра» один раз правильно (Акад. X, 242) и один раз с конечным «ѣ» (Акад. X, 261). Вариативность форм слова «Казань» и подобных ему географических названий (Кубань, Сызрань) в материалах к «Истории Пугачева» и к «Истории Петра» нельзя безоговорочно объяснить

²⁹ См.: Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2000. Вып. 11. С. 127. Например: Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. СПб., 1997. С. 163; Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 9. С. 440; Семенов П. Товарищ разумной и замысловатой. СПб., 1764. Ч. 2. С. 209; Новиков И. В.] Похождение Ивана гостинного сына. СПб., 1785. Ч. 1. С. 7.

³⁰ Например: Листок. 1831. № 22. С. 6 (цитировано: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 7. С. 437); Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 76, 205.

³¹ Барсов А. А. Российская грамматика / Подгот. текста и текстолог. коммент. М. П. Таболовой; Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М., 1981. С. 144, 464. О диалектном употреблении «в Казанѣ», «во Астраханѣ» см.: Обнорский С. П. Указ. соч. С. 254–256, 263.

³² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М.: Воскресенье, 1997. Т. 17. Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб. / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. С. 409.

³³ «С полуострова Таманя открылись мне берега Крыма» (письмо брату 24 сентября 1820 г. — Акад. XIII, 18); «Из Туманя приехал я в Керчь» (черновик письма А. А. Дельвигу от середины декабря 1824 — первой половины декабря 1825 г. — Акад. VIII, 998); «Из Тамани в Керчь» (само предыдущее письмо и прижизненные публикации его литературной части (Акад. XIII, 250; VIII, 437; IV, 175); «Он прибыл из Тамани в Керчь» (черновик «Путешествия Онегина» — Акад. VI, 501, 486).

проявлением орфографических привычек Пушкина, поскольку она могла определяться орфографией исторических документов, представленных в материалах конспектами, выписками и копиями, сделанными рукою Пушкина.³⁴

Таким образом, кроме формы «в Рязанѣ», подлинным пушкинским написанием из числа подобных можно неоспоримо признать только употребленное во фразе из письма жене от 26 августа 1833 г.: «В Казанѣ буду я около третього» (Акад. XV, 75).³⁵ Лишь в этих двух случаях можно ставить вопрос об исправлении окончаний. Все другие написания «в Астраханѣ», «в Казанѣ» и т.п. следует воспроизводить как при их соответствии подлинникам документов, которыми пользовался Пушкин, так и тогда, когда сверка пушкинских копий, выписок и конспектов с оригиналами невозможна.

Не подлежат изменению «на виолончелѣ» в «Египетских ночах» (Акад. VIII, 265) и «на дуэлѣ» в стихотворении «Счастливы ты в прелестных дурах...» (Акад. III, 171) и планах «<Романа на Кавказских водах>» (Акад. VIII, 915): в пушкинское время оба эти слова могли быть мужского рода.³⁶

Единичные написания «-ѣ» вместо «-и» в дательном паде-

³⁴ В писарских копиях материалов к «Истории Пугачева» преобладает форма «в (к, при) Казанѣ» (Акад. IX, 599, 703 дважды, 705 дважды, 706 дважды, 724, 726, 747, 753, 754, 756, 757); дважды в документах написано «по городу Казани» (IX, 733, 737), один раз «в Казани» (Акад. IX, 757). В октябре 1774 г. Казанская духовная консистория адресовала письмо «в учрежденную в Казани <...> Секретную комиссию» (Акад. IX, 757), а в декабре — «в учрежденную в Казанѣ <...> Секретную комиссию» (там же).

В «Истории Пугачева»: «на Кубани» (Акад. IX, 381, 384), в «Истории Петра»: «на Кубанѣ» (Акад. X, 198).

Формы слова «Сызрань» в материалах к «Истории Пугачева»: «к Сызранѣ» (Акад. IX, 657, 668, 717), «к Сызраню» (Акад. IX, 432 вар. к с. 69.12), «к Сызрану» (Акад. IX, 513, 619), «в Сызран» (Акад. IX, 701), «с Сызрана» (Акад. IX, 711), «от Сызрани» (Акад. IX, 710); в прижизненном печатном тексте «Истории Пугачева» только «к Сызрани» (IX, 69, 202, 210).

³⁵ Однако месяцем ранее, 30 июля, Пушкин извещал А. Н. Мордвинова о своем намерении «дописать в деревне <...> роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани» (Акад. XV, 70), а 8 сентября писал жене: «Я в Казани» (Акад. XV, 78).

³⁶ Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954. С. 85.

же: «К печалѣ я привык» («К Чедаеву», перебеленный автограф, стих 67; Акад. II, 666; в остальных случаях в дат. и предл. падежах: «печали» — Словарь III, 335–336); «Как черная лента по костѣ вяжся» (зачеркнутый вариант в автографе «Песни о вещем Олеге», стих 95; Акад. II, 743); «Аделѣ» (заглавие стихотворения; Акад. II, 275, 789; в прижизненных изданиях: «Адели»).

Единичное написание «-ѣ» вместо «-и» в предложном падеже: «говорить о вещьѣ» (черновик письма М. П. Погодину от первой половины сентября 1832 г.; Акад. XV, 220).

Особый случай представляет употребление Пушкиным окончания «-ѣ» вместо «-и» в родительном падеже единственного числа.

В первом издании третьей главы «Евгения Онегина» (строфа V. 9) было: «Как у Вандиковой Мадонѣ», рифмовавшееся с «небосклонѣ». Все варианты этой строки в черновых и беловых рукописях грамматически правильны: «Как у Мадоны Рафаеля» (Акад. VI, 307), «Как в Рафаелевой мадонѣ» и «Как у Рафаеля в мадонѣ» (Акад. VI, 575). Начиная с черновой стадии работы над строкою и, по-видимому, почти до самой передачи рукописи в печать Пушкин колебался, с кем из персонажей мировой живописи сравнить Ольгу Ларину. Сначала это были «девы Рафаеля», затем мысль поэта переключилась мимолетно, кажется, на Рубенса, но вернулась к Рафаэлю и остановилась на Мадонне (Акад. VI, 307, 575). Однако сомнения остались, и на стадии стиха «Как в Рафаелевой мадонѣ» появился вариант «Как в Перуджиновой Мад<онѣ>» (Акад. VI, 575). Уже написав в беловой рукописи окончательную редакцию стиха: «Как у Рафаеля в Мадонѣ», Пушкин продолжал поиск, в результате чего заменой фамилии художника получился печатный вариант: «Как у Вандиковой Мадонѣ». Допустимо видеть здесь «диалектический (т. е. диалектный. — В. Р.) lapsus»,³⁷ бездумно допущенную ошибку, проистекшую из того, что, изменив середину стиха, Пушкин забыл привести в грамматическое соответствие другие его элементы. Подобное не раз встречается в рукописях прозаических текстов, но,

³⁷ Обнорский С. П. Указ. соч. С. 96.

когда речь идет о стихе с его строгой ритмической организацией и рифмовкой, подобная невнимательность мало вероятна, хотя и не может быть полностью исключена. Поэтому прежде чем принять это объяснение, следует проверить, не было ли у Пушкина основания сознательно оставить неизменным последнее слово в стихе.

Замена предложного падежа «Мадонѣ» родительным «Мадонь», возможно, не нарушила бы рифмы («небосклонѣ»), а лишь сказалась бы на ее точности. Действительно, коль скоро допускалась рифма *ы.и* не только мужская (стороны: одни — «Воспоминания в Царском селе», 122:124, сохранена в поздней редакции 114:116 (Акад., I, 72, 76); подойти: воды — «Козак», 38:40 (Акад., I, 44); живым: воздадим — «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»), 126:128 (Акад. II, 428)), но и женская (Панкратий: косматый, Панкратий: проклятый — «Монах», III, 39:40, 119:121 (Акад., I, 21, 23); отчизны: жизни — «Воспоминания в Царском селе», 117:119, сохранена в поздней редакции 109:111 (Акад., I, 71, 76)³⁸), а «ѣ» в заударном конечном открытом слоге обозначало [и]-образный звук, становились возможными рифмы *ѣ.ы*, *ѣ.ый*, (нынѣ:именины — «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...»), 18:19 (Акад., I, 46); нынѣ:единый — «К Наташе», 9:11 (Акад., I, 178)). Может быть, именно такую рифму имела в виду поправка Пушкина в экземпляре отдельного издания третьей главы, где «Мадонѣ» исправлено на «Мадонь» (Акад. VI, 537)?

Формы родительного падежа на «-ѣ» встречаются у Пушкина в письмах Л. С. Пушкину от 24 января 1822 г. («до моей пустыньѣ не доходит ни один дружный голос» — Акад. XIII, 35), А. А. Бестужеву от 24 марта 1825 г. («У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я Сатирѣ». — Акад. XIII, 155), П. А. Вяземскому от 14 марта 1830 г. («помяни меня на вечере у Катеринѣ Андреевнѣ» — Акад. XIV, 69) и Н. М. Языкову от 14 апреля 1836 г. («Поклон Вам <...> от Евпраксии Николаевнѣ» — Акад. XVI, 104), а также в заглавии собственноручно записанной народной песни («Песня о сынѣ Сеньки-

³⁸ Вопреки мнению Б. В. Томашевского о невозможности таких рифм (*Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959. С. 413*).

Разинѣ»), что публикаторы сочли простою опискою.³⁹ Подобная форма существовала в XVIII веке,⁴⁰ употребляли ее современники Пушкина (Г. Р. Державин,⁴¹ С. Н. Марин,⁴² А. С. Грибоедов⁴³), в том числе его близкие родственники,⁴⁴ и еще долго она всплывала эпизодически у разных лиц.⁴⁵ В свете этих фактов нельзя исключать вероятности того, что, внося правку в разбираемую строку, Пушкин считал возможным не трогать форму «Мадонѣ», поскольку она совпадала с просторечной формой родительного падежа и с нею сохранялась точная рифма.⁴⁶

В рецензии «Северной пчелы» эта строка была приведена в

³⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М.: Воскресенье, 1997. Т. 17. С. 409.

⁴⁰ Например: «огонь любвѣ» (*Богданов А. И. Указ. соч. С. 121*), «для увеселения любезной своей супругѣ» (*Комаров М. Обстоятельные и верные истории двух мошенников... СПб., 1779. С. 78*), «против сей церквѣ», но на той же странице: «Часть церкви» (*L'von N. A. Italienisches Tagebuch. S. 53*).

⁴¹ «По просьбѣ Натальѣ Яковлевны Плюсковой» (*Державин Г. Р. Анакреонтические песни / Изд. подгот. Г. П. Макогоненко, Г. Н. Ионин, Е. Н. Петрова. М., 1986. С. 442*; цитировано по автографу, в печатном издании было исправлено, см.: Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные... В 4 ч. / Изд. Ф. П. Львовым. СПб., 1834. Ч. 3. С. 32).

⁴² «Явясѣ пред ним в туманѣ, / Со вздохом говорит: „Именье у Татьянѣ”» (*Марин С. Н. Полн. собр. соч. М., 1948. С. 146*). В речи Марина, в основном литературной, присутствовало много диалектных черт произношения (см.: *Панов М. В. Указ. соч. С. 253–265*; отсюда (с. 255) заимствован пример).

⁴³ В «Горе от ума» (д. II, явл. 1, стих 29) по Музейному автографу: «Я должен у вдовѣ, у докторшѣ крестить» (*Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова. СПб., 1913. Т. 2. С. 127*; *Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 149*); так же в Жандровском списке (*Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.... 1995. Т. 1. С. 36, 249*); в Булгаринском списке: «у вдовы, у докторшѣ» (Там же. С. 36).

⁴⁴ В письме О. С. Павлищевой мужу от 8 июня 1832: «у матушкѣ» (ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 95, л. 111 об.; опубл.: Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и отцу, 1831–1837. СПб., 1994. С. 86).

⁴⁵ В дневниковой записи Л. Н. Толстого от 8 июля 1854 г.: «Потом он спросил у женѣ» (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 47. С. 10*). В научной статье: «по поводу моей статьѣ» (Драганов П. Д. Кто впервые принялся переводить А. С. Пушкина и прототипы переводов его на 50 языков и наречий мира // *Ист. вестн. 1899. Т. 76. № 5. С. 656*). В научной монографии: «в тишинѣ монашеской кельѣ» (*Батюшков Ф. Д. Пушкин и Расин. СПб., 1900. С. 16*). Даже если сами ученые написали правильно, а в печати допущены ошибки, их появление говорит о том, что форма еще находилась в употреблении.

⁴⁶ В первом полном издании «Евгения Онегина» (СПб., 1833) родительный падеж на «-ѣ», рифмующийся с «-ы», неожиданно появился в пятой строфе пятой главы:

качестве одного из примеров «легких промахов против грамматики и стихосложения»;⁴⁷ на эту же ошибку обратил внимание и П. И. Шаликов.⁴⁸ Пушкин счел замечания критиков справедливыми и в списке опечаток, приложенном к первому изданию шестой главы, внес исправление: «Точь в точь в Вандиковой Мадонѣ» (Акад. VI, 646, 640). Но с аналогичным упреком относительно строки «С семинаристом в желтой шалѣ» («Евгений Онегин», III, 28. 3, рифма: балѣ; см.: Акад. VI, 64) он не согласился, т. к. здесь дело шло о допустимом, по его понятиям, оформлении рифмы не только для слуха, но и для глаза.⁴⁹

Проведенный анализ нарушений Пушкиным принятых в его время правил употребления окончаний «-и» и «-ѣ» у существительных ж. р. поможет, будем надеяться, решать, в каких случаях эти отступления от орфографии должны воспроизводиться буквально в академическом «Полном собрании сочинений», а в каких «неверные» окончания могут быть изменены без всякого искажения стилистического или какого-либо иного значимого аспекта пушкинского текста.

Татьяна верила преданьям
Простонародной старинѣ,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.

(С. 134)

Так же было напечатано во втором полном издании (СПб., 1837); исправлено на «стариньы» в посмертном собрании сочинений. В автографах и первом издании глав IV и V (СПб., 1828) было «стариньы : луны», однако в черновом автографе (ПД 835, л. 80 об.) конечное «ь» в слове «стариньы» имеет особенность, позволяющие задаться осторожно вопросом, не тянулась ли рука Пушкина вывести машинально «ѣ», но была вовремя остановлена и переориентирована на «ь».

⁴⁷ Сев. пчела. 1827. 15 окт. № 124.

⁴⁸ Дамский журнал. 1827. Ч. 20. № 21. С. 121

⁴⁹ См. об этом эпизоде: *Строганов М. В.* Из комментариев к «Евгению Онегину» и «Капитанской дочке» // А. С. Пушкин и русская литература: Сб. науч. тр. Калинин, 1983. С. 125.

РЕЦЕНЗИЯ Н. И. НАДЕЖДИНА «СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ САТИРЫ ВО ФРАНЦИИ»

Информируя своих читателей о зарубежных периодических изданиях, из которых для «Телескопа» переводились художественные произведения, всевозможные статьи и заметки, а также информационные материалы, Надеждин первым упомянул французский журнал «Revue de Paris» («Парижское обозрение») и объяснил свое к нему внимание богатством и разнообразием его содержания, участием в нем «многих известных литераторов», как то: Ш. Нодье, Ж. Жанена, О. де Бальзака, А. Пишо, П. Лакруа («Жакоба бибблиофила») и др., умеренностью его политической позиции. Вместе с тем Надеждин отметил, что на четвертом году своего существования «журнал сей <...> уже отжил свой блестящий период», «кредит его ощутительно слабеет» и публике нужно о нем напоминать.¹ Тем не менее и после этого заявления «Парижское обозрение» продолжало служить редактору «Телескопа» важнейшим источником и число заимствуемых из него публикаций не только не уменьшилось, но некоторое время даже существенно увеличивалось.

По сведениям Н. И. Наволоцкой, издавшей малым тиражом, на роталпринте, указатель содержания «Телескопа», из «Парижского обозрения» были взяты в 1832 году 13 материалов, в 1833 — 8, в 1834 — 18, в 1835 — 9, в 1836 — 4.² Эти цифры, учитывающие лишь те публикации, которые помечены

¹ Телескоп. 1832. Ч. 9. № 11. С. 412–414.

² Библиографическое описание журнала «Телескоп» (1831–1836) / Сост. Н. И. Наволоцкая. М., 1985. Ч. 1. С. 13; Ч. 2. С. 94.